

II.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Campagne de 1870. — Обзоръ русскихъ военныхъ журналовъ: Инженерный журналъ.

Campagne de 1870. De causes qui ont amené la capitulation de Sedan, par un officier attaché à l'état-major général. Avec les plans de la place et de la bataille. Deuxième édition. Bruxelles. 1870. (Кампанія 1870 года. О причинахъ седанской капитуляціи. Соч. офицера, состоящаго при главномъ штабѣ. Съ планами крѣпости и сраженія. Второе изданіе. Брюссель. 1870).

Брошюра эта, въ два печатныхъ листа, явленіе весьма замѣчательное въ военно-историческомъ и политическомъ отношеніи: многія мѣста въ ней доказываютъ неоспоримо, что она написана эксъ-императоромъ Наполеономъ III. При чтеніи ея скоро можно убѣдиться, что имѣешь дѣло съ известнаго рода неподкрашенными «наполеоновскими идеями» (idées napoléoniennes); но, сама по себѣ, брошюра полна интереса въ томъ смыслѣ, что проливаетъ свѣтъ на пониманіе тѣхъ военно-историческихъ и политическихъ отношеній, которыя преобладали во Франціи до седанской катастрофы. Въ этомъ-то смыслѣ она оказываетъ существенныя услуги исторіи многознаменательнаго 1870 года.

Во введеніи сказано: «Императоръ зналъ, что Пруссія можетъ въ короткое время мобилизовать 900,000 человекъ, а съ войсками южно-германскихъ государствъ 1,100,000, которыми Франція имѣла возможность противопоставить только 600,000 человекъ. А такъ какъ число находящихся подъ ружьемъ никогда не бываетъ больше половины номинальнаго (списочнаго), то Германія готова была двинуть на поле сраженія 550,000 человекъ, тогда какъ мы имѣли около 300,000

человѣкъ, чтобы встрѣтить непріятеля». Въ какому именно времени относятся эти цифры, не выяснено; но, кажется, пропорція 300,000 французскихъ войскъ къ 550,000 нѣмецкихъ неточна: въ дѣйствительности объ цифры должны быть гораздо выше. Конечно, при открытіи кампаніи, пропорція была иная: по показаніямъ нѣмецкихъ источниковъ, нѣкоторые германскія войска еще не успѣли придти, когда уже послѣдовали первые рѣшительные удары. Такъ, напримѣръ, весь шестой, десятый, первый и второй корпуса, также половина девятого прусскаго корпуса, ступили на французскую территорію тогда, когда уже давно разыгрались сраженія при Вейсенбургѣ и Саарбрикенѣ и битва при Вёртѣ. Основываясь на этомъ фактѣ, «Allgemeine Militär-Zeitung» считаетъ себя въ правѣ утверждать, что, по крайней мѣрѣ въ послѣднихъ числахъ іюля, на сѣверо-восточной границѣ Франціи стояло столько же французскихъ войскъ, сколько было сосредоточено нѣмецкихъ на среднемъ Рейнѣ. Въ доказательство же того, что противъ нѣмцевъ выставлено было на боевомъ полѣ болѣе 300,000 французовъ, газета указываетъ на сумму двухъ армій, которыми командовали маршалы Базенъ и Макъ-Магонъ, а именно: первая нѣтъ, не считая подвижной гвардіи, 153,000 человѣкъ, а съ прибавленіемъ выбывшихъ изъ строя (болѣе 40,000 человѣкъ, какъ показывалъ самъ Базенъ) 195,000; вторая, сдавшаяся на капитуляцію подъ Седаномъ, состояла, считая убитыхъ и раненыхъ, изъ 150,000; слѣдовательно, сила обѣихъ армій простиралась свыше 350,000 человѣкъ. Если же принять въ счетъ прочія линейныя войска: парижскую армію Трошию, луарскую армію Ореля-де-Паладина, сѣверную армію Бурбаки и т. д., то, по мнѣнію названной нѣмецкой военной газеты, можно полагать силу французской операціонной арміи по меньшей мѣрѣ въ 450,000, противъ которыхъ, конечно, стояли до 600,000 германскихъ войскъ. Полагаемъ, что до тѣхъ поръ, пока, съ обѣихъ сторонъ, не будутъ обнаружены оффіціальныя числовыя данныя, препирательства о цифрахъ—дѣло праздное. Достоверно одно: нѣмцы превосходили численностію французовъ.

Любопытны показанія брошюры о планѣ кампаніи Людовика-Наполеона, который онъ, въ Парижѣ, сообщилъ только маршаламъ Макъ-Магону и Лебефу. Предполагалось собрать 150,000 человѣкъ въ Мецѣ, 100,000 въ Страсбургѣ и 50,000 въ шалонскомъ лагерѣ; по средоточеніи ихъ, Наполеонъ хотѣлъ соединить арміи мецскую и страсбургскую, *перейти Рейнъ съ 250,000 человекъ при Максау*, оставивъ справа Раштатъ, слѣва Гермерсгеймъ, принудить южно-германскія государства къ сохраненію нейтралитета и двинуться противъ

Пруссія. Такой планъ, конечно, имѣть шансы на успѣхъ, но надлежало дѣйствовать *быстро*. Между тѣмъ, брошюра старается доказать невозможность предупредить противника, выставя на видъ преимущественно слабыя стороны французской военной организаціи, «въ томъ видѣ, какъ она существовала уже пятьдесятъ лѣтъ»: отсутствіе инициативы со стороны департаментскихъ начальниковъ, интендантовъ и т. д. Но здѣсь надолго возмущаетъ вопросъ: отчего же ошибки и недостатки не были устранены своевременно?... Притомъ, развѣ само французское правительство не заявляло торжественно, что вторая имперія доведетъ вооруженныя силы до высшаго совершенства, по всѣмъ отраслямъ? Брошюра сознается, впрочемъ, что, уже 28-го іюля, когда императоръ пріѣхалъ въ Мецъ, здѣсь было сосредоточено 100,000 человекъ, да въ Страсбургѣ 40,000. *«Если бы императоръ рѣшился, 29-го іюля, съ массою своихъ соединенныхъ войскъ, перейти Рейнъ при Максену, то на другой день онъ могъ бы вступить въ Карлсруэ»*. За нимъ послѣдовалъ бы, кратчайшею дорогою, сформированный въ Бельфорѣ, 7-й корпусъ; маршалъ Канроберъ собралъ бы, вмѣсто шаленскаго лагеря, остальные войска въ укрѣпленномъ лагерѣ при Мецѣ, и императоръ перенесъ бы войну на германскую территорию. Еще 29-го іюля растянутая граница великаго герцогства Баденскаго была почти совершенно открыта непріятельскому вторженію: единственныя оборонительныя силы страны ограничивались баденскою полевомъ дивизіей, около 18,000 человекъ, и однимъ прусскимъ пѣхотнымъ полкомъ (№ 24), быстро перевезеннымъ въ Раштатъ, тогда какъ на Мозель и на Сааръ, равно и на лѣвомъ берегу Рейна, главныя силы Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Гессена и другихъ союзныхъ владѣній могли быть собраны лишь постепенно. Германія, въ первой половинѣ іюля, вовсе не была приготовлена къ войнѣ, и потому, дѣйствительно, была бы очень легко осуществлена подобное вторженіе, какъ то и случилось обыкновенно въ прежнія германо-французскія войны».

Что этого опасались въ Пруссіи, доказываютъ слѣдующія разсужденія прусскаго «Государственнаго Указателя»: «Масса въ 100,000 человекъ угрожала германской территоріи, между тѣмъ какъ наши баталіоны, во всей монархіи, стояли еще въ своихъ гарнизонахъ на Одерѣ и на Вислѣ. При такихъ обстоятельствахъ, французскія мѣры пріобрѣтали весьма важное преимущество упрежденія, которое постоянно имѣлось здѣсь въ виду, такъ какъ сѣть желѣзныхъ дорогъ во Франціи, дислокація массами войскъ въ восточныхъ округахъ, преимущественно же возможность формировать, въ мирное время, большія силы

посредствомъ постоянныхъ лагерей, обусловливали упрямденіе. Пруссія не находилась въ столь выгодныхъ условіяхъ, и хотя можно было бы бросить на границу немобилизованныя войска, однако этому предпочли другой путь. Части войскъ, торопяще исторгнутыя изъ своихъ мирныхъ стоянокъ, могли, по существовавшему мнѣнію, приобрести временныя услуги, но они не были организованы на столько, чтобы вынести случайности большой и серьезной войны. Что было бы приобретено мгновенно, за то впоследствии надлежало бы заплатиться дорого. Потому рѣшено было приготовить войска къ войнѣ правильнымъ порядкомъ. Предавались, однако, надеждѣ защитить хотя отчасти германскую территорію на западной границѣ слабыми силами, расположенными въ гарнизонахъ. Знали, безъ сомнѣнія, хорошо, что, если бы непріятель обладалъ хотя малою энергіей, то нельзя было бы оказать ему серьезное сопротивленіе, или воспрепятствовать ему идти на счетъ части нашей страны. Вотъ почему всѣ германскія войска оставались въ своихъ гарнизонахъ до того момента, когда оказались готовыми къ дѣйствию».

Французскія войска, впрочемъ, часто бывали вводимы въ обманъ относительно числительности нѣмецкихъ войскъ: напримеръ, одинъ баталіонъ гогенцолернскаго фузилернаго полка № 40 и три эскадрона рейнскаго уланскаго полка № 7, вели, въ окрестностяхъ Саарбрюкена, самымъ успѣшнымъ образомъ малую войну въ теченіи четырнадцати дней и ловко скрывали отъ противника силу собранныхъ здѣсь прусскихъ войскъ. Между тѣмъ, стратегическое движеніе различныхъ корпусовъ совершалось правильно, и такъ какъ французская армія, все еще, повидимому, незнавшая, гдѣ стояли главныя силы нѣмцевъ, медлила наступленіемъ, то, 4-го августа, кронъ-принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ перешелъ границу.

Подробности, представляемыя Брешюромъ, хотя кое-что и показываютъ, но раскрываютъ не все. Часто высказываются въ ней общія положенія, долженствующія оправдать Наполеона, но достигающія противной цѣли тѣмъ, что ярко выставляютъ нерѣшительность и отсутствіе непоколебимой энергіи императора ли, или его органовъ. Сказано, напримеръ: «Императоръ отдалъ самыя положительныя приказанія ускорить прибытіе недостающихъ полковъ, но ему повиновались съ величайшею медленностью, подъ предлогомъ, что ни Алжирю, ни Парижъ, ни Лионъ нельзя оставить безъ гарнизоновъ». Но въдѣ Лебёфу должно же было быть извѣстно, сколько войскъ надлежало оставить въ Парижѣ, въ Лионѣ и въ Алжирѣ; онъ не могъ не знать, что численность гарнизоновъ слѣдовало ограничить до крайней воз-

возможности, а все остальные войска поспѣшно отпривить на восточную границу. Если этого не было сдѣлано, то виною—неспособность начальнаго главнаго Французскаго штаба. Въ 1866 году, при открытіи войны, прусское военное начальство почти совершенно обнажило отъ линейныхъ войскъ двѣ провинціи, Вестфалію и Рейнскую, и заняло крѣпости Кобленцъ, Бельнъ, Минденъ и другія ландверомъ, для того, чтобы дѣйствующая армія, согласно первому закону стратегіи, могла выступить въ возможно-большихъ силахъ. Французы не пользовались опытами этого года.

Сраженіе при Вертѣ названо въ брошюрѣ «*la glorieuse et funeste bataille*» («достопавною и роковою битвою»), положившему конецъ всякой неизвѣстности о движеніяхъ и сборѣ непріятельскихъ силъ. О боѣ на шпихернскихъ высотахъ говорится: «Хотя результатъ боя и былъ намъ неблагопріятенъ, однако можно утверждать, что если бы обѣ дивизіи, получившія отъ маршала Базена приказаніе поддержать генерала Фросара, исполнили это такъ, какъ могли исполнить, то побѣда осталась бы на нашей сторонѣ». Справедливо, что начальникъ 14-й дивизіи прусскихъ войскъ атаквалъ противника, силы котораго не могли быть видимы, и что первая атака на высоты были отбиты; но когда въ бой вступили части 3-го и 8-го корпусовъ, между тѣмъ какъ цѣлая 13-я дивизія оставалась еще нетронутою, то день уже былъ рѣшенъ, и одержанная нѣмцами побѣда едва-ли могла бы быть оспорена даже въ томъ случаѣ, если бы и были притянуты новыя французскія войска.

Послѣ дѣла при Саарбрюкенѣ, Лудовикъ-Наполеонъ вдругъ рѣшился вернуть армію назадъ къ Шалону, гдѣ она могла бы принять обломки арміи маршала Макъ-Магона и корпуса генераловъ Фальи и Дуэ. На этотъ планъ, сообщенный въ Парижъ, министерство изъявило сначала свое согласіе; но, спустя два дня, Эмиль Оливье написалъ императору, что, по болѣе зрѣломъ обсужденіи, министерство убѣдилось, что оно поторопилось одобрить отступленіе арміи къ Шалону, такъ какъ очищеніе Лотарингіи произвело бы на умы угнетающее дѣйствіе. Оливье совѣтовалъ императору отказаться отъ своего плана. «*Celui-ci céda pour le moment à ce conseil*» («императоръ согласился пока на этотъ совѣтъ»).

Французы надѣялись напасть на одну изъ прусскихъ армій, прежде чѣмъ онѣ соединятся; сосредоточенію арміи помѣшали, однако, не только бой при Шпихернѣ и дурная погода, но и полное невѣдѣніе о расположеніи и о силѣ германскихъ войскъ. «Пруссаки (во всей брошюрѣ никогда не употребляется слово «нѣмцы», *les Allemands*)

такъ хорошо скрыли свое движеніе за грозною завѣсою кавалеріи, которую они развернули передъ нами во всѣхъ направленіяхъ, что, несмотря на самое упорное поиски, мы никогда не знали, гдѣ именно находились главныя ихъ силы.... 14-го августа, дакъ и 16-го, мы вовсе не думали нитѣ на рукахъ всю прусскую армію: никто не сомнѣвался въ Гравелотѣ относительно возможности достигнуть на другой день Вердена. И въ Парижѣ свѣдѣнія были не лучше нашихъ».

Брошюра неоднократно высказываетъ досаду на Парижъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не сознаться, что обстоятельства, напоминающія продѣлки пресловутаго вѣнскаго гоффригсрата, нисколько не были способны воспламенить дѣятельность начальника операционной арміи. Лудовикъ-Наполеонъ передалъ главное начальство маршалу Базену, но не хотѣлъ оставлять армію до тѣхъ поръ, пока она не перейдетъ на лѣвый берегъ Мозеля. Дурная погода и столпившіеся обозы замедлили исполненіе, а потомъ сдѣлали его и невозможнымъ. Прибывъ въ Гравелоту, императоръ не предусматривалъ большаго сраженія; думая, что лишь частныя схватки замедляютъ отступленіе войскъ, онъ рѣшился уѣхать въ Шалонъ и отбылъ туда утромъ 16-го числа черезъ Конфланъ и Этенъ, не встрѣтивъ непріятеля. Роль, которая теперь выпала на долю Наполеона, была незавидная: въ Парижѣ собрались палаты, а ему не дали даже и знать о томъ. «Съ этого времени министры какъ будто боялись произнести имя императора, а онъ, оставившій армію и сложившій съ себя командованіе для того, чтобы вновь взять въ руки бразды правленія, скоро увидѣлъ себя въ невозможности исполнять принадлежавшія ему обязанности».

Въ Шалонѣ принято было роковое рѣшеніе подать помощь маршалу Базену. Собрался военный совѣтъ, подъ предѣтельствомъ императора, изъ принца Наполеона, герцога Маджентскаго, генерала Трошю (военное министерство назначило его главнымъ начальникомъ войскъ, собранныхъ въ Шалонѣ), генерала Шмица (начальника штаба генерала Трошю) и генерала Берто (командира подвижной національной гвардіи). Постановлено было слѣдующее: генерала Трошю назначить начальникомъ парижской арміи; войска шалонскаго лагеря отослать, подъ главнымъ начальствомъ маршала Макъ-Магона, въ Парижъ; подвижную національную гвардію отправить въ лагерь при Сенъ-Моръ, а императору ѣхать въ столицу, куда его призывали обязанности главы государства. Эти постановленія возбудили въ Парижѣ сильную оппозицію; тамъ въ особенности настаивали на необходимости выручить

Маршалъ Базена. Герцогъ Маджентскій объяснилъ всѣ опасности тако-го шага: онъ замѣтилъ, что дѣло идетъ о фланговомъ маршѣ, о движеніи черезъ линію треугольника, двѣ стороны котораго были заняты непріятелемъ, и прибавилъ, что не можетъ подвергнуть по-добному риску свои еще не вполне организованныя войска. Трошю-маршалъ, напротивъ, идти къ Рейнсу, чтобы отсюда двинуться къ Мессону или къ Парижу, и выступилъ туда 21-го августа. «Mais le langage de raison n'était pas compris à Paris» («но голосъ разсудка не былъ услышанъ въ Парижѣ»).... Чтобы удовлетворить общественному мнѣнію, совѣтъ министровъ, къ которому присоеди-нились тайный совѣтъ и президенты обѣихъ палатъ, послалъ Макъ-гому положительное приказаніе идти къ Мессу.

Маршалъ, «un homme de devoir avant tout» («человѣкъ долга прежде всего»), какъ его называетъ брошюра, повиновался тому повелѣнію; онъ надѣялся такимъ шагомъ привлечь на себя въ непріятельскія силы и тѣмъ дать угрожаемой столицѣ болѣе надежды довершить свои оборонительныя дѣла. Императоръ тоже не отивился. «Не могло входить въ его виды противоdѣйствовать со-глаши правительства регентши, обнаружившей столько же ума, сколько энергій посреди величайшихъ затрудненій, хотя онъ и ви-дѣлъ, что его дѣятельность совершенно ступшеывалась (s'effaçait complètement), ибо онъ не дѣйствовалъ уже ни какъ глава госу-дарства, ни какъ предводитель арміи: онъ добровольно рѣшился сдѣ-лать за движеніями арміи, чувствуя однако, что если будутъ одер-жанны успѣхи, то всю заслугу припишутъ, по справедливости, глав-нокомандующему, а, при неудачѣ, всю отвѣтственность свалить на главу государства». Кажется однако, что и Лудовикъ-Наполеонъ, и Макъ-гому питали тайную надежду на соединеніе съ Базеномъ и на раз-битіе непріятеля; иначе было бы слишкомъ невѣроятнымъ, чтобы они рѣшились начать исполненіе такого предпріятія, успѣхъ ко-тораго они могли предвидѣть заранѣе.

Брошюра разсматриваетъ затѣмъ силы, которыми располагалъ Макъ-Магонъ: это были 1-й, 5-й, 7-й и 12-й корпуса, состояв-шіе изъ неодинаковыхъ элементовъ. 1-й корпусъ заключалъ въ себѣ, главнымъ частію, африканскія войска, храбро сражавшіяся при Вер-венѣ; но впечатлѣніе этой битвы, въ особенности же «les effets fou-royants de l'artillerie prussienne» («ужасныя дѣйствія прусской артилеріи»), продолжительныя марши, матеріальная нужда уже осла-били силу сопротивленія корпуса, а примѣръ, поданный другимъ ча-стямъ уныніемъ этихъ старѣйшихъ солдатъ, могъ отозваться весь-

на неблагопріятно. 5-й корпусъ также былъ сформированными маршами отъ Бича, чрезъ Вогезы, къ шалонскому лагерю; онъ, еще не сражаясь, потерялъ почти весь свой обозъ и произвѣдиль дурное впечатлѣніе. Организация 7-го корпуса едва кончилась; двинувшись изъ Бельфора, чрезъ Парижъ, къ Шалону, онъ еще не получалъ прочной основы. 12-й корпусъ былъ вновь сформированный; первая его дивизія состояла изъ девяти надежныхъ полковъ; 2-я изъ четырехъ маршевыхъ полковъ съ неполными кадрами и людьми, никогда не стрѣлявшими изъ ружья; въ третьей дивизіи было четыре полка морской пѣхоты, которые хотя и храбро сражались подъ Седаномъ, но, непривычныя къ маршамъ, солдаты оставили по дорогамъ много отсталыхъ. Съ такими-то войсками предстояло выполнить «труднѣйшій и отважнѣйшій планъ кампаніи» (le plan de campagne le plus difficile et le plus téméraire).

Слѣдуетъ описатьъ марша, начатаго 23-го августа изъ Реймса. Уже черезъ двадцать четыре часа обнаружались трудности продовольствія; Макъ-Магонъ, двигавшійся по теченію рѣчки Сюппиъ, принужденъ былъ приближаться къ желѣзной дорогѣ и 24-го вступилъ въ Ретель, гдѣ употребилъ цѣлый день на снабженіе войскъ жизненными припасами на нѣсколько дней. 27-го корпуса генераловъ де Фальи и Дуэ уже имѣли схватки съ авангардами арміи послѣднихъ принцевъ прусскаго и саксонскаго. Чтобы спасти единственную теперь свободную армію Франціи, маршалъ Макъ-Магонъ хотѣлъ опять принять восточное направленіе, но вновь получалъ изъ Парижа строгое предписаніе продолжать маршъ къ Мецу. Онъ повиновался и на этотъ разъ; даже Наполеонъ, который, по словамъ брошюры, могъ бы воспротивиться такому приказанію, «рѣшился не мѣшать постановленію регентства, и обрекъ себя на послѣдствія рока (fatalité), сопровождавшаго всѣ рѣшенія правительства».... Причины такого образа дѣйствія представляются не вполне понятными: если операціонный планъ былъ признанъ столько же опаснымъ, сколько безразсуднымъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, и если императоръ могъ, своею властію, воспрепятствовать ему, то почему же онъ допустилъ привести въ исполненіе столь рискованное предпріятіе?...

28-го августа главная квартира прибыла въ Стоннъ. Вслѣдствіе какого-то, будто бы, несчастія, случилось такъ, что здѣсь генералы де Фальи и Дуэ были разбиты по-одиночкѣ; точнѣе было бы сказать: вслѣдствіе неумѣлости, ибо теперь уже слишкомъ хорошо извѣстно, что французы именно въ настоящемъ случаѣ—какъ и во-

общей в дивизию 1870 года — отирали авансестную и сторожевую службу съ непостижимою небрежностію. Иначе какъ могло бы случиться, что въ ночь съ 28-го на 29-е число августа корпусъ Фалля былъ застигнутъ совершенно врасплохъ войсками четвертой арміи, именно 12-мъ гусарскимъ полкомъ?

Въ Стоніи планъ Магъ-Магона получилъ, повидимому, самый тяжелый ударъ, повлекшій за собою катастрофу. До сихъ поръ армія, описавшая большую дугу въ сѣверовосточномъ направленіи (отъ Реймса чрезъ Ретель къ Стоніи), могла еще порядочно поддерживать свое маршевое направленіе, которое отсюда ей предстояло бы довершить чрезъ Стенъ и Монмеди къ Мецу, лежащему, на юго-востокъ, въ нѣсколькихъ переходахъ. Но, между тѣмъ, нѣмецкія войска опередили французскія: Стенъ уже былъ занятъ ихъ многочисленными силами. Брошюра говоритъ по этому случаю: «прусская армія шла форсированными маршами, тогда какъ мы, обремененные обозами, употребили, съ утомленными войсками, шесть дней на переходъ двадцати пяти лѣ» (90 верст).... Французамъ оставалось идти по совершенно другому направленію: они двинулись къ Рокуру и перешли Маасъ, при Музонѣ, 29—30-го августа. Въ это послѣднее число, корпуса Фалля и Дуэ, оставшіеся на лѣвомъ берегу Мааса, вовлечены были, при Бомонѣ, въ бой съ «авангардомъ главной прусской арміи», и отброшены къ Музону въ безпорядкѣ. Маршалъ Магъ-Магонъ, убѣдившись въ невозможности направленія на Монмеди, приказалъ отступить на Седанъ.

Городомъ Седаномъ, принадлежащимъ къ разряду укрѣпленныхъ, командуютъ со всѣхъ сторонъ высоты, и онъ рѣшительно не могъ противиться новой артилеріи; кромѣ того, онъ былъ недостаточно вооруженъ и снабженъ продовольствіемъ, не имѣлъ вѣшнихъ верховъ, и потому не могъ представить никакой защиты отступавшей арміи. Въ ночь съ 30-го на 31-е августа, и рано утромъ 31-го, французскія войска подошли къ Седану изрядно разстроенныя. Императоръ прибылъ, 30-го августа, съ 1-мъ корпусомъ (Дюро) въ Бариньянъ, гдѣ предназначалось быть главной квартирою; здѣсь получивъ онъ, вечеромъ, извѣстіе о новомъ отступательномъ движеніи къ сѣверу. вмѣстѣ съ тѣмъ, Магъ-Магонъ далъ ему совѣтъ отправиться по желѣзной дорогѣ въ Седанъ. «Ничего не было легче императору, какъ уѣхать даже въ Мезьеръ и тѣмъ поставить себя въ безопасность (*mettre sa personne à l'abri*). Такъ и предлагали ему; но онъ отвергъ предложеніе, не желая разлучаться съ арміею и рѣшившись раздѣлить ея судьбу, какова бы она ни была».

Предчувствуя близость рѣшительнаго событія, Людовикъ—Наполеонъ обнаруживалъ, утромъ 31-го августа, въ главной седанской квартирѣ, извѣстное воззваніе къ войскамъ, долженствовавшее воодушевить ихъ къ великой битвѣ. «Это воззваніе, которое едва успѣли разослать, было послѣднимъ обращеніемъ императора къ солдатамъ»... Избѣгнуть необходимости принять бой было поздно, хотя и мѣстныя, и численныя условія представлялись крайне невыгодными для французской арміи. Германскія и французскія войска почти одновременно сошлись подъ Седаномъ—первымъ, по словамъ брошюры, въ числѣ 230,000 человекъ, слѣдовательно въ большомъ перевѣсѣ.

31-го августа французская армія занимала слѣдующія позиціи: 7-й корпусъ, образовавшій на маршѣ арфергардъ, находился теперь въ головѣ, поперекъ дороги изъ Мезьера въ Седанъ, занимая мѣстность отъ Флоана (Floing) до Вальверъ д'Ильм; 1-й корпусъ распространялся отъ Ла-Ниттъ Монсель до Живонны и Дюньи; 5-й стоялъ частію въ городѣ, частію на высотахъ, командующихъ къ юго-востоку живонскою лощиною; 12-й занималъ Монсель, ла-Ниттъ-Монсель и ла-Платрери. Слѣдовательно, армія охватывала Седанъ большимъ полукругомъ, упираясь обоими флангами въ Маасъ—позиція, безспорно, невыгодная, ибо войска могли быть со всѣхъ сторонъ окружены превосходными силами противника, не имѣли обезпеченной линіи отступленія, а самый Седанъ, улицы котораго были загромождены обочами, не представлялъ ни малѣйшей помощи... Авторъ брошюры восклицаетъ: «Таковы были послѣдствія плана кампаніи, навязаннаго изъ Парижа (imposé de Paris) и противнаго самымъ элементарнымъ началамъ военнаго искусства». Послѣднее справедливо; но авторъ, очевидно, заходитъ слишкомъ далеко, дѣлая отвѣтственнымъ *Парижъ* за выборъ поля сраженія подъ Седаномъ.

Самое сраженіе описано довольно подробно, просто, естественно и согласно съ истиною. Корпусъ генерала Лебрена первымъ вступилъ въ бой утромъ 31-го августа, дрался мужественно, стойко и, какъ извѣстно, нанесъ весьма чувствительный уронъ 1-му баварскому корпусу, противъ него сражавшемуся, особенно при Базейлѣ. Численный перевѣсъ германскихъ войскъ позволилъ имъ рѣздить свои силы на двѣ большія массы, долженствовавшія, каждая отдѣльно, атаковать французовъ, смять ихъ фланги и, утвердившись на высотахъ позади Седана, совершенно окружить ихъ. Резервный корпусъ, состоявшій изъ пѣхоты и многочисленной кавалеріи—это были, преимущественно, виртенбергская дивизія и кавалерійская дивизія графа Штольберга—занялъ позицію на равнинѣ Доншери и пресѣкъ всякое сообщеніе съ Мезье-

роуъ, между тѣмъ какъ: противолечащія высоты, на лѣвомъ берегу Мааса, были заняты многочисленною артилеріею, фланжировавшею атаку на правомъ берегу. При такихъ обстоятельствахъ, сознается брошюра, было только одно средство спасти армию: *надлежало отступить на нейтральную бельгійскую територію*. Но, чтобы имѣть возможность прикрыть отступление, надобно было занять большими силами, особенно артилеріею, высоты Ильи и Живонны, преимущественно же ильйское плато; между тѣмъ оба генерала, принявшіе команду послѣ раненія маршала Макъ-Магона (Дюро и Вимпфенъ), преслѣдовали разные задачи, и плато занято было слабо. Эти факты опять указываютъ на тѣ поумѣры, на ту нерѣшительность и неувѣренность, которыми отличается все веденіе французами войны 1870 года, въ особенности подъ Седаномъ и Мецеюмъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, отъсѣпанный отъ Стонна къ сѣверу и принужденный направиться на Седанъ, долженъ былъ имѣть въ виду опредѣленную цѣль дѣйствія, чтобы съ честью довести до какого-нибудь рациональнаго конца свое отважное, даже отчаянное, предпріятіе. Быть можетъ, представлялись еще шансы достигнуть, нѣсколькими форсированными маршами, болѣе укрѣпленнаго чѣмъ Седанъ пункта, наприимѣръ Мезьера, Камбрэ или даже Лилля, и здѣсь, при возможно-благоприятныхъ условіяхъ, принять бой, если онъ становился необходимымъ. Если же дальѣйшее уклоненіе отъ непріятеля являлось безусловно-неосуществимымъ и Седанъ былъ назначенъ театромъ рѣшительной борьбы, то, безспорно, надлежало заранѣе избрать иную отступление — въ крайнемъ случаѣ въ Бельгію — и съ этою цѣлю сильно занять ильйское плато. Упрекъ, что на послѣднее не обратили вниманія, не можетъ, впрочемъ, падать на генераловъ Дюро и Вимпфена, которые вступили въ командованіе только тогда, когда соединеніе германскихъ войскъ, слѣдовательно и окруженіе французской арміи, уже совершилось; скорѣе тутъ виноватъ маршалъ Макъ-Магонъ, едѣлавшій первыя распоряженія къ расположенію французской арміи: диспозиція его не были исполнены его преемниками, быть можетъ именно въ этомъ направленіи, что, впрочемъ, донынѣ еще не разъяснено (*).

Битва при Седанѣ началась, утромъ; въ пятomъ часу: баварскій корпусъ атаковалъ при Базейлѣ; отсюда бой распространился до

(*) Приписываемая генералу Вимпфену реляція о седанскомъ сраженіи, обнародованная газетою «Patrie» въ первой половинѣ сентября, сообщаетъ, по этому вопросу, слѣдующее: «Около девяти часовъ, замѣтивъ отступательное движеніе 1-го корпуса и направленіе его къ Гаренскому дѣсу, генералъ Вимпфенъ протестовалъ и принялъ команду изъ рукъ генерала Дюро, намѣревавшагося отойти къ Ильи, т. е. къ крайнему правому флангу арміи».

Монсея и Живонны и на фланскія высоты. Въ пять часовъ Макъ-Магонъ былъ уже на аванпостахъ и руководилъ сраженіемъ; когда же, въ восемь часовъ, Лудовикъ-Наполеонъ поѣхалъ верхомъ на поле битвы, онъ встрѣтилъ маршала, тяжело раненаго осколкомъ гранаты и теперь переносимаго въ Седанъ. Это несчастіе, при самомъ началѣ дѣйствія, было зловѣщимъ предзнаменованіемъ: всю свою надежду армія возлагала именно на храбрость и на умъ герцога Маджентскаго. Маршалъ Макъ-Магонъ передалъ командованіе генералу Дюкро, «которому были извѣстны его намѣренія» (qui était au courant de ses intentions), но старшій въ чинѣ, генералъ Виншпенъ, предъявившій письменное предписаніе военного министра, взялъ главное начальствованіе на себя. «Эта зашѣна», сказано въ брошюрѣ, повлекла за собою роковыя послѣдствія, ибо, въ самый разгаръ сраженія, небезопасно измѣнять прежде принятыхъ распоряженій.

Тѣмъ не менѣе, до двухъ часовъ пополудни, бой продолжалъ идти, не невыгоднымъ для французовъ путемъ. Но въ это время арміи наслѣдныхъ принцевъ прусскаго и саксонскаго подали другъ другу руку на илйсовомъ плато: кольцо, охватившее французскія войска, замкнулось. Уже теперь можно было считать сраженіе потераннымъ для французовъ и армію ихъ обреченною на неминуемый плѣнъ, потому что, отрѣзанная отъ Мезьера, откуда получала продовольствіе и снаряды, она не имѣла другого выхода, какъ отступить на укрѣпленія Седана, чтобы занять здѣсь центральную позицію въ районѣ дѣйствительнаго огня пяти сотъ орудій, расположенныхъ въ окружности. Никакія усилія корпусныхъ командировъ и вообще офицеровъ, ни «героизмъ» французской артиллеріи, ни «блестательныя атаки кавалеріи» не могли помочь дѣлу: сраженіе было проиграно.

Разсмотрѣвъ ходъ сраженія, брошюра обращается спеціально къ императору Наполеону. Она сообщаетъ, что, рано утромъ, императоръ находился у деревни Баланъ, что онъ поднялся на монсельскія высоты и проѣхалъ по живонской долинѣ, гдѣ командиръ 5-го линейнаго полка, тяжело-раненый, закричалъ съ носилокъ: «vive l'empereur!» Брошюра называетъ это восклицаніе «строгательнымъ свидѣтельствомъ преданности арміи къ императору». Извѣстно, однако, что именно подъ Седаномъ французскіе офицеры и солдаты далеко не дружелюбно отнеслись къ Наполеону, а нѣмецкіе военные органы свидѣтельствуетъ, что большое число тѣхъ офицеровъ, которые, послѣ капитуляціи Седана, были перевезены въ Германію, вовсе не проявляютъ имперіалистскихъ симпатій. Тоже говорятъ о многихъ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Мецѣ.

Пробывъ «подъ градомъ снарядовъ», продолжаетъ брошюра, пять часовъ, Лудовикъ-Наполеонъ возвратился въ Седанъ для совѣщаній съ маршаломъ Маяъ-Магономъ. Попытка выбраться отсюда не удалась, ибо всѣ улицы, площади и ворота были преграждены обозами отсутствующей арміи. Въ половинѣ четвертаго часа, генералъ Вимпфенъ предложилъ Наполеону въѣхать въ средину колонны, которая попытается пробиться къ Кариньяну; Наполеонъ отклонилъ это, во-первыхъ, потому, что видѣлъ невозможность выѣхать изъ Седана, а во-вторыхъ потому, что, «для спасенія себя, не хотѣлъ жертвовать жизнію многихъ солдатъ, но желалъ раздѣлить участь арміи». По его мнѣнію, планъ генерала Вимпфена не сулилъ успѣха; и дѣйствительно: генералъ, съ едва 2,000 человекъ, пройдя шаговъ триста, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Между тѣмъ, Седанъ былъ обстрѣливаемъ жестоко; даже большая казарма, превращенная въ госпиталь и на крышѣ которой развѣвался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ, не избѣгла выстрѣловъ; многіе офицеры, солдаты и два генерала были убиты на улицѣ непріятельскими снарядами. Въ эти-то тяжелыя минуты, Наполеонъ послалъ за генераломъ Вимпфеномъ и предложилъ ему испросить перемиріе; но отвѣта на это не получилъ и, «при видѣ такого бесполезнаго кровопролитія, въ столь отчаянномъ положеніи», приказалъ поднять на цитадели бѣлый флагъ. Въ то же время, король прусскій послалъ въ Седанъ офицера генеральнаго штаба, (подполковника Бронсара фонъ-Шеллендорфа) потребовать сдачи города. Лудовикъ-Наполеонъ обратилъ этого офицера къ генералу Вимпфену, который, въ виду серьезнаго положенія, не хотѣлъ взять на себя инициативы капитуляціи и просилъ объ увольненіи. Просьба его не была принята.

Тогда Наполеонъ уже не колебался сдаться въ плѣнъ, «будучи убѣжденъ», замѣчаетъ брошюра, «что, по отзывамъ газетъ, король объявилъ, что ведетъ войну не съ Франціей, а съ ея государемъ» (*convaincu, d'après l'affirmation de la presse, que le roi avait déclaré faire la guerre non pas à la France mais à son souverain*).... Впрочемъ, прокламація короля Вильгельма къ арміи, отъ 2-го августа, начинается словами: «Вся Германія стоитъ единодушно въ оружіи противъ *сосѣдственнаго государства* (*einen Nachbarstaat*), внезапно и безъ причины объявившаго намъ войну»....

Брошюра передаетъ затѣмъ извѣстные факты, относящіеся къ концу катастрофы, переговоры о капитуляціи, посѣщеніе Наполео-

номъ короля Вильгельма въ замкѣ Бельвю. Особенное впечатлѣніе производятъ здѣсь слѣдующія строки о свиданіи обоихъ монарховъ: «Dans cette conférence le roi témoigna des sentiments élevés qui l'animaient, en ayant pour l'empereur tous les égards que comportait son malheur, et celui-ci conserva une attitude pleine de dignité» («при этомъ свиданіи, король проявилъ свои возвышенные чувства, оказавъ императору все уваженіе, вызываемое его несчастіемъ, а императоръ сохранилъ полную достоинства осанку»). Всѣмъ извѣстно, что переговоры обоихъ государей происходили съ глазу на глазъ; слова брошюры согласны, впрочемъ, съ достопамятною депешою короля Вильгельма, посланною королевѣ Августѣ тотчасъ послѣ свиданія съ Луи-Наполеономъ: «Welch'ein ergreifender Augenblick der Begegnung mit Napoleon! Er war gebeugt, aber würdig in seiner Haltung und ergeben» и т. д. («Баяя поразительная минута встрѣчи съ Наполеономъ! Онъ былъ удрученъ, но держалъ себя достойно и съ преданностію судьбѣ»).

Незадолго передъ тѣмъ, Наполеонъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ графомъ Бисмаркомъ. Брошюра распространяется и объ этомъ предметѣ: она признаетъ, что императоръ не слагалъ съ себя ответственности за объявленіе войны, но подтверждаетъ, что принужденъ былъ подчиниться возбужденію общественнаго мнѣнія. Въ доказательство повторены слова Людовика-Наполеона, помѣщенные и въ воззваніи его къ французской арміи предъ началомъ войны: «Nous avons fait tout ce qui dépendait de nous pour éviter la guerre, et je puis dire que c'est la nation toute entière qui, dans son irresistible élan, a dicté nos résolutions» («Мы сдѣлали все отъ насъ зависѣвшее, чтобы избѣгнуть войны, и я могу сказать, что вся нація, въ своемъ неудержимомъ порывѣ, руководила нашею рѣшимостію»).

Въ заключеніе авторъ бросаетъ взглядъ на прусскую армію, сравниваетъ ея качества со свойствами арміи французской, порицаетъ неумѣстную бережливость законодательнаго собранія, постоянно стремившагося сокращать военный бюджетъ и еще за двѣ недѣли до объявленія войны хотѣвшаго уничтожить гвардію и уменьшить наличный составъ арміи. Достается также трибунѣ и печати: по мнѣнію автора, онѣ, своимъ вліяніемъ, подкопали власть и подали руку духу порицанія и неповиновенія.

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Инженерный Журналъ.

Осада Страсбурга въ 1870 г.—Укрѣпленіе и оборона морскихъ береговъ. — Сооруженіе основанія подъ «орта» „императоръ Павелъ I“, въ Кронштадтѣ.

Въ 11 номерѣ «Инженернаго Журнала», за ноябрь мѣсяцъ 1870 года, помѣщена статья, посвященная весьма интересному эпизоду настоящей войны, именно осадѣ Страсбурга. На статью эту, подъ заглавіемъ «Очеркъ осады Страсбурга въ 1870 году», принадлежащую г. Шильдеру, мы обратимъ вниманіе читателей.

Событія франко-германской войны, касающіяся всѣхъ отраслей военнаго дѣла, послѣ надлежащей обработки вообще должны обогатить науку запасомъ новыхъ данныхъ и выводовъ и освятить ее практикою боеваго опыта. Въ особенноти много интересныхъ фактовъ будетъ выяснено по части инженернаго искусства, которое, со времени достопамятной осады Севастополя, не играло значительной роли въ европейскихъ войнахъ. Съ этой точки зрѣнія, послѣдняя война весьма поучительна: дѣйствія воюющихъ сторонъ представляютъ десятки примѣровъ осады и обороны крѣпостей, изъ которыхъ многія считались первоклассными и пользовались репутаціею неодолимыхъ. Если прибавить къ этому примѣненіе новыхъ техническихъ средствъ, развившихся въ истекшее десятилѣтіе въ весьма значительной степени, и имѣвшихъ непосредственное вліяніе на ходъ дѣла, то интересъ событій, можно сказать, удваивается.

Съ перваго шага кампаніи, французы, вопреки ихъ планамъ и намѣреніямъ, какъ извѣстно, пришлось дѣйствовать оборонительно, а впослѣдствіи, послѣ сдачи регулярныхъ армій и низложенія Наполеона, запереться въ Парижѣ, съ тою цѣлью, чтобы, задержавъ вѣмцевъ войска, дать возможность провинціямъ организовать новыя арміи и, совокупнымъ усиліемъ, отбросить непріятеля за предѣлы Франціи. Германскія войска, увлеченныя успѣхами, двинулись къ Парижу и обложили его; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были озаботиться объ утвржденіи за собою занятыхъ областей и объ обезпеченіи своей весьма растянутой операціонной линіи. Для достиженія этихъ цѣлей и пріобрѣтенія непрерывнаго желѣзно-дорожнаго сообщенія съ Германіею, они были поставлены въ необходимость осадять множество французскихъ крѣпостей, противъ которыхъ ограничили бы, при другихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, только отдѣленіемъ наблюдательныхъ отрядовъ. Къ числу атакованныхъ крѣпостей принадлежали: Страсбургъ,

Шелештадтъ, Новый Бризахъ, Бичъ, Пфальцбургъ, Туль, Верденъ, Тіонвиль, Монмеди и проч.

Осада Страсбурга въ особенности замѣчательна какъ по упорству обороны, такъ и по обширности техническихъ и артилерійскихъ средствъ, которыми владѣлъ осаждающій. Между прочимъ, здѣсь въ первый разъ были употреблены нарѣзные орудія въ значительномъ числѣ и доставили осаждающему огромныя преимущества.

Пользуясь статьею г. Шмльдера, мы ознакомимъ читателей, въ существенныхъ чертахъ, съ ходомъ осады Страсбурга, предпославъ этому очерку краткое описаніе укрѣпленій Страсбурга, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застала война.

Страсбургъ принадлежалъ Франціи около 200 лѣтъ. Сознывая всю важность пункта, могущаго служить для вторгающагося непріятеля удобнымъ мѣстомъ переправы черезъ Рейнъ, Людовикъ XIV, по совѣту извѣстнаго Лувуа, рѣшился въ 1681 году овладѣть Страсбургомъ посредствомъ нечаяннаго нападенія. Предпріятіе это удалось и обошлось безъ кровопролитія. Страсбургъ былъ присоединенъ къ Франціи. Съ тѣхъ поръ, Людовикъ XIV, постоянно заботившійся о возвращеніи Франціи ея естественныхъ границъ, утраченныхъ при распадѣніи монархіи Карла Великаго, обратилъ вниманіе на укрѣпленія этого важнаго пункта. Знаменитому Вобану поручено было составить проектъ укрѣпленій, на постройку было ассигновано 2½ миліона ливровъ, и вскорѣ городъ представлялъ крѣпость, вполне удовлетворявшую тогдашнимъ требованіямъ инженернаго искусства.

Съ тѣхъ поръ прошло 200 лѣтъ. Однако, несмотря на рядъ новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій, укрѣпленія Страсбурга не измѣнились ни въ чемъ. Французскій инженерный корпусъ продолжалъ жить преданіями Вобана и Кормонтэна и смѣло утверждалъ, что Страсбургъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ крѣпостей Европы. Это убѣжденіе, основанное на такъ часто встрѣчающемся у французовъ самообольщеніи, проникло въ учебники и было разсѣяно только вѣскимъ доказательствомъ прусскихъ гранатъ, обратившихъ въ груду мусора предполагаемыя твердыни. Французскіе инженеры не обратили вниманія даже на введеніе нарѣзныхъ орудій, противъ которыхъ не могли, конечно, устоять устарѣвшіе верки и все оставили по старому. Вслѣдствіе этого, многолюдный городъ, заключающій въ себѣ до 85,000 жителей и множество военныхъ учрежденій, какъ то: артилерійскій арсеналъ, литейный и пушечный заводы и проч., не былъ обезпеченъ отъ бомбардированія расположеніемъ отдѣльныхъ укрѣпленій—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что городскія строенія почти всюду не-

посредственно примыкали къ главной крѣпостной оградѣ. Кромѣ того, страсбургская крѣпость отличалась повсемѣстнымъ отсутствіемъ казематированныхъ построекъ для гарнизона — недостатокъ въ настоящее время чрезвычайно важный. Остается еще замѣтить, что каменные одежды крѣпостныхъ верковъ оставались также въ прежнемъ своемъ видѣ и состояли изъ высокихъ, пригнутыхъ, эскарпныхъ стѣнъ, имѣвшихъ мѣстами до 28 футовъ высоты. На куртлинахъ былъ устроенъ дозорный путь съ оборонительною стѣнкой. Брустверь имѣлъ отъ 18 до 20 футовъ толщины.

Въ крѣпости, съ такими плачевными оборонительными средствами, находился гарнизонъ также весьма жалкаго состава. Когда французскія войска сосредоточивались на границѣ, съ цѣлью наступательной войны, маршалъ Макъ-Магонъ вывелъ изъ Страсбурга всѣ находившіяся въ немъ войска, для присоединенія ихъ къ дѣйствующей арміи. Только по настоянію коменданта генерала Уриха въ крѣпости былъ оставленъ одинъ (87-й) линейный полкъ. Послѣ сраженія при Вертѣ, въ Страсбургѣ собралось до 10,000 человекъ изъ разбитаго корпуса Макъ-Магона. Но эти войска не могли быть особенно полезны при оборонѣ, представляя совершенно деморализованную часть арміи; напротивъ, явившись нестройною толпою бѣглецовъ, они, подъ впечатлѣніемъ пораженія, распространили въ гарнизонѣ панику и упадокъ дисциплины. Въ распоряженіи коменданта находились еще пять баталіоновъ подвижной гвардіи, вновь сформированная мѣстная гвардія для внутренней службы и рота вольныхъ стрѣлковъ. Инженерныхъ войскъ въ крѣпости совсѣмъ не было, за исключеніемъ шести офицеровъ; артиллеристовъ было весьма немного. Общая численность гарнизона простиралась до 17,000. Комендантомъ страсбургской крѣпости былъ дивизионный генералъ *Уриха*; инженерною частью завѣдывалъ полковникъ *Сабатъе*, артиллерійскою полковникъ *Манженъ*.

Вооруженіе крѣпости было достаточное: оно состояло изъ 450 орудій, изъ которыхъ 40 было наръвныхъ 24-ф., остальные 12-ф. наръвные и 12 и 16-ф. гладкостѣнные. Въ снарядахъ и артиллерійскихъ припасахъ недостатка не было.

Затруднительное положеніе Страсбурга увеличилось еще прибытіемъ въ городъ большаго числа раненыхъ изъ корпуса Макъ-Магона, которые были привезены на крестьянскихъ повозкахъ и рядами положены на улицахъ, гдѣ и умирали сотнями. Въ то же время населеніе города возрасло въ значительной степени отъ наплыва окрестнаго населенія, бѣжавшаго въ Страсбургъ, при появленіи нѣмецкихъ войскъ, съ семействами и пожитками.

Какъ только нѣмецкія войска подошли къ Страсбургу, первую попытку ихъ было овладѣть имъ врасплохъ, пользуясь впечатлѣніемъ недавней побѣды. Но комендантъ крѣпости, на предложеніе сдаться, отвѣчалъ положительнымъ отказомъ. Тогда нѣмецкія войска, въ ожиданіи прибытія осаднаго корпуса, обложили городъ и, мало по малу, стѣснили блокаду по мѣрѣ полученія подкрѣпленій. Въ половинѣ августа, осадный корпусъ сосредоточился подъ стѣнами крѣпости въ числѣ 50,000 человекъ; онъ состоялъ изъ одной прусской дивизіи Трескова, дивизіи прусскаго гвардейскаго ландвера, баденской дивизіи генерала Ла-Роша и техническихъ войскъ, піонеровъ и крѣпостныхъ артиллерійскихъ ротъ. Начальникомъ осаднаго корпуса назначенъ былъ генералъ Вердеръ; начальникомъ артилеріи генералъ Декеръ; инженераци командовалъ генералъ Мертенсъ, пріобрѣтшій извѣстность при осадѣ Дюпеля и работами по укрѣпленію Дрездена и Бляя.

Принимая въ соображеніе слабость гарнизона и многолюдность города и не желая терять времени и средствъ на правильную осаду крѣпости, прусаки рѣшились открыть по городу бомбардированіе, считывая, что гарнизонъ, по настоянію жителей, будетъ принужденъ войти въ переговоры. На этомъ основаніи, 22-го августа, по прибытіи первыхъ осадныхъ орудій, атакующій приступилъ съ сѣверной стороны крѣпости къ постройкѣ батарей и къ устройству между ними ходовъ сообщенія. Первые батареи были вооружены 46-ю орудіями; въ томъ числѣ

24 ф. нарѣзныхъ пушекъ	22
50 » мортиръ	12
25 » »	12

Независимо отъ этихъ орудій, на противоположномъ берегу Рейна, по обѣимъ сторонамъ города Келя, были возведены батареи для бомбардированія цитадели и восточныхъ фронтовъ крѣпости; вооруженіе ихъ состояло изъ 44 орудій тяжелаго калибра, доставленныхъ изъ крѣпости Раштадта.

Работы прусаковъ по устройству осадныхъ батарей шли весьма быстро, такъ что 24-го августа, послѣ вторичнаго безуспѣшнаго предложенія сдаться, генералъ Вердеръ приступилъ къ жесточайшему бомбардированію, обратившему въ груду развалины прекрасный городъ, но непринесшему никакой существенной пользы осаждающему. Атакующій громилъ городъ безостановочно въ продолженіе трехъ сутокъ, выпуская изъ своихъ 90 орудій по сту снарядовъ въ сутки изъ каждаго. 26 августа огонь былъ пріостановленъ отъ 4 часовъ утра до полудни, вслѣдствіе заявленія страсбургскаго епископа, предлагавшаго

выяснить мѣнѣе гражданъ о результатахъ бомбардированія. Однако, вѣшательство этого духовнаго лица не имѣло никакого результата и комендантъ, поддерживаемый мужествомъ населеніемъ, вновь отказался отъ всякихъ переговоровъ. Тогда бомбардированіе возобновилось и продолжалось еще сутки.

Разрушеніе, произведенное осадными орудіями въ городѣ, было весьма значительно: цѣлыя улицы обращены въ развалины; городъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ; въ цитадели взорвало арсеналъ съ 35,000 гранатныхъ трубокъ; даже знаменитый страсбургскій соборъ и окружающія его строенія сильно пострадали. Осаждающіе увѣряютъ, что они старались, по возможности, щадить соборъ; но, вслѣдствіе устройства французами на крышѣ его обсерваторіи съ телеграфнымъ проводникомъ, они вынуждены были произвести нѣсколько выстрѣловъ по башнѣ, о чемъ французы были предувѣдомлены заблаговременно. Не только крыша собора и стропила были пробиты, но даже и прочный каменный сводъ, прикрывавшій внутренность храма, въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ разрушенъ. Въ числѣ сгорѣвшихъ зданій находилась также извѣстная страсбургская бібліотека, погибшая со всѣми своими сокровищами. Кромѣ того, множество мирныхъ гражданъ погибли отъ снарядовъ и въ разрушающихся зданіяхъ, и хотя генералъ Вердеръ предоставилъ коменданту право вывести дѣтей, женщинъ и старцевъ, однако это предложеніе было отвергнуто по невозможности приступить къ выбору между 80,000 душъ населенія.

Не получивъ никакого результата отъ этихъ дѣйствій, которыя отнюдь нельзя назвать мягкими, пруссаки 27-го числа прекратили бомбардированіе и приступили къ правильной осадѣ.

Для атаки былъ избранъ сѣверо-западный фронтъ крѣпости; состоящій изъ 2-хъ бастіоновъ и 3-хъ передовыхъ дупетовъ. Выборъ остановился на этомъ фронтѣ по слѣдующимъ причинамъ: 1) онъ короче прочихъ и требуетъ меньшаго протяженія осадныхъ работъ; 2) мѣстность передъ нимъ не подвержена наводненію и, по грунту, не представляетъ затрудненія для производства осадныхъ работъ; 3) изъ цитадели нельзя оказать поддержки этому крѣпостному фронту.

Осадныя работы подъ Страсбургомъ представляютъ много интересныхъ подробностей и могутъ служить указаніемъ при разработкѣ вопроса о современномъ состояніи осаднаго искусства. Въ особенности необходимо обратить вниманіе на то искусство, съ которымъ пруссаки пользовались мѣстностью, и на быстроту веденія работъ.

Первая параллель была заложена въ ночь съ 29-го на 30-е августа, въ 800 шагахъ отъ крѣпостнаго фронта, несмотря на

то, что французы обладали орудіями большаго калибра, могущими значительно затруднить первыя работы; между тѣмъ, близкое заложіе первой паралели имѣло вліяніе на весь послѣдующій ходъ атаки и много сократило работы. Заложіе первой паралели, длиною въ 3,600 шаговъ, произведено было совершенно скрытно отъ обороняющагося и не стоило никакихъ потерь атакующему. Въ ту же ночь были возведены пруссаками десять батарей для нарѣзныхъ орудій; къ утру онѣ были совершенно готовы, вооружены и, съ разсвѣтомъ, открыли огонь по непріятельскимъ веркамъ. Дѣйствіе этихъ батарей, вмѣстѣ съ прежними, устроенными для бомбардированія, было до того сильно, что крѣпостная артилерія, по прошествіи полутора часа, должна была прекратить огонь, причемъ поврежденія въ крѣпости оказались такъ значительны, что только къ вечеру, 30-го августа, крѣпость была въ состояніи продолжать артилерійскій бой, и то на нѣсколько часовъ.

Дальнѣйшіе подступы осаждающій велъ съ неменьшею быстротою. Въ ночь съ 31-го августа на 1-е сентября, были устроены ходы сообщенія ко второй паралели, которую удалось заложить въ слѣдующую ночь, въ разстояніи 300—400 шаговъ отъ крѣпостныхъ верковъ, на протяженіи 2,000 шаговъ. Надо замѣтить, что на эти работы были употреблены крестьяне окрестныхъ деревень, принужденные пруссаками воздвигать укрѣпленія противъ своихъ же соотечественниковъ.

На всѣ эти дѣйствія французскій гарнизонъ отвѣчалъ очень слабо, отчасти потому, что не ожидалъ атаки съ этой стороны, отчасти вслѣдствіе быстроты работъ атакующаго и успѣшнаго дѣйствія его артилеріи. Только 2-го сентября атакованные верки получили полное вооруженіе и открыли сильный огонь по работамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, французы произвели двѣ вылазки на фланги паралели, которыя, впрочемъ, не имѣли никакого успѣха. Въ это время, осаждающій неутомимо трудился надъ возведеніемъ новыхъ батарей, переноса впередъ наиболѣе отдаленныя изъ прежде дѣйствовавшихъ батарей. Осадныя батареи располагались отчасти въ паралеляхъ и сообщеніяхъ, отчасти позади ихъ, въ мѣстахъ закрытыхъ этими работами, такъ что французамъ было весьма трудно различать ихъ съ крѣпостныхъ верковъ, особенно когда глубокія амбразуры были замѣнены низкими, жолобообразными. Всего, до 9-го сентября, осадная артилерія выставила 98 нарѣзныхъ пушекъ и 40 мортиръ, дѣйствіе которыхъ, въ соединеніи съ батареями, поставленными въ Кель и стрѣлявшими

противъ цитадели, было такъ успешно, что крѣпостной огонь почти замолкъ, а цитадель подуразрушена.

Въ ночь съ 9-го на 10-е сентября были начаты изъ второй параллели выходы такою сапою; но, вслѣдствіе слабаго огня крѣпости, было отдано приказаніе продолжать работу *обыкновенною траншею*, пока это окажется возможнымъ. Въ слѣдующую ночь заложили третью параллель и, наконецъ, полупараллель, отстоявшую всего на 40 шаговъ отъ гласиса люнетовъ, противъ которыхъ и была поведена дальнѣйшая атака. Замѣчательно, что всѣ эти работы производились *летучею сапою*. Въ этотъ періодъ атаки, французы дѣйствовали также весьма слабо, потому что убійственный огонь осадныхъ батарей заставлялъ ихъ закрывать почти всѣ амбразуры и стрѣлять уменьшенными зарядами, придавая орудіямъ большіе углы возвышенія.

Какъ только получено было въ прусскомъ лагерѣ извѣстіе о сѣданской катастрофѣ, генераль Вердеръ тотчасъ сообщалъ объ этомъ коменданту, въ надеждѣ подѣйствовать на гарнизонъ и жителей; но генераль Урихъ скрылъ отъ всѣхъ прискорбное извѣстіе о сдачѣ французской арміи, такъ что населеніе узнало о ней нѣсколько дней спустя, когда въ городъ была пропущена депутація международного женеваго общества. При содѣйствіи этой депутаціи, было вывезено въ Швейцарію до 800 человекъ старцевъ и дѣтей.

Въ послѣдній періодъ атаки, до вѣнчанія гласиса, которое прусакамъ удалось окончить къ 17-му сентябрю, осадными батареями дѣйствовали безъ перерыва по крѣпостнымъ вертамъ и отнимали у гарнизона всякую возможность исправлять произведенныя поврежденія.

Послѣ вѣнчанія гласиса, атакующему предстояло овладѣть двумя люнетами, выдвинутыми впередъ, для чего необходимо было прежде всего пробить въ нихъ удобовосходныя бреши. Въ прежнее время, съ этою цѣлью, въ вѣнчаніи гласиса устраивали брешь и контръ-батареи и съ нихъ, прямыми выстрѣлами, разрушали каменные одежды; при осадѣ Страсбурга, пруссаки сумѣли обойти эти затруднительныя работы, употребляя для пробитія бреши, такъ называемые, *мерекидные выстрѣлы*, съ батареей расположенныхъ въ 1,000 шагахъ отъ крѣпостныхъ верковъ. Для этой стрѣльбы пруссаки употребляли свои новыя короткія орудія 24-фунтоваго калибра, которыя оказались во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ оружіемъ.

Дѣйствительность перемидныхъ выстрѣловъ была въ особенности велика вслѣдствіе одного случайнаго обстоятельства, показавшаго, съ одной стороны, обычную безпечность французовъ, а съ другой спо-

способность прусаковъ пользоваться всякимъ мажѣйшимъ обстоятельствомъ, изъ котораго можно извлечь пользу. Дѣло въ томъ, что при рекогносцировкѣ исходнаго угла одного изъ люнетовъ (№ 53), прусики нашли три минныя галереи, выходившія въ контръ-эскарпъ выше уровня воды. Французы оставили ихъ послѣ неудачной попытки взорвать, а прусики, спустившись наклоннымъ спускомъ изъ 3-й параллели, заняли ихъ и устроили здѣсь обсервационный пунктъ для наблюденія за паденіемъ снарядовъ. Результаты наблюденій передавались на батареи посредствомъ телеграфа.

Послѣ пробитія удобовосходимой бреши въ эскарпъ люнета (№ 53), атакующій, 19-го сентября, вышелъ изъ вѣнчанія гласиса блиндированнымъ спускомъ въ ровъ, опрокинулъ двумя минами его контръ-эскарпъ и приступилъ къ устройству плотины въ водномъ рвѣ, имѣющемъ въ этомъ мѣстѣ 60 ф. ширины и отъ 4 до 8 ф. глубины. Когда, послѣ рекогносцировки, произведенной при устройствѣ плотины, 20-го сентября, оказалось, что укрѣпленіе оставлено непріателемъ, взводъ гвардейскаго ландвера тотчасъ переправился въ лодкѣ чрезъ ровъ и утвердился на бреши и брустверѣ люнета, причеи орудія, оставленныя французами, были заклепаны. Немедленно по окончаніи насыпей плотины, къ вечеру того же самаго дня, люнетъ былъ занятъ одною пѣхотною и одною піонерною ротами, которыя окопались, съ цѣлью устроить изъ люнета опорный пунктъ для атаки главной ограды.

При атакѣ другаго, снежнаго люнета, прусики спустились въ ровъ, посредствомъ спуска, блиндированнаго рельсами, и приступили къ наводкѣ моста на бочкахъ, чрезъ ровъ, который въ этомъ мѣстѣ имѣлъ до 180 футовъ ширины, при 8 — 12 футовъ глубины. Чрезъ нѣсколько часовъ и этотъ люнетъ, оставленный французами, былъ занятъ атакующимъ. Занятіе люнетовъ, однако, не обошлось безъ потерь, потому что французы открыли сильный ружейный и пушечный огонь съ главнаго вала, по внутренности оставленныхъ укрѣпленій.

Итогъ потерь осаднаго корпуса, до 20-го сентября включительно, былъ слѣдующій: убито 86 человекъ, ранено 554, безъ вѣсти пропало 48 человекъ.

Овладевъ люнетами, прусики дѣятельно приступили къ атакѣ главной ограды: увѣнчали гребень гласиса главнаго вала, устроили спускъ въ ровъ и возвели осадную батарею на шесть наръженныхъ орудій. Къ этому же времени пробиты были въ главномъ валѣ двѣ бреши перекидными выстрѣлами съ дальняго разстоянія, изъ которыхъ одна оказалась совершенно удобовосходимою, шириною въ 80 футовъ. Не-

зависимо отъ этого, осадная артиллерія произвела вообще въ крѣпостныхъ верхахъ страшное опустошеніе: бастіоны, избранные для атаки, были обращены въ груду разваливъ, въ которой трудно было даже узнать первоначальный ихъ видъ; повсюду валялись разбитыя орудія и принадлежности, полузасыпанная мусоромъ; сводъ каменныхъ воротъ, устроенныхъ въ куртінѣ, готовъ былъ обрушиться, что заставило французовъ заложить почти весь проходъ земляными мѣшами; мусоръ, камни, обломки, разрушенныя казармы, дѣлали для гарнизона невозможнымъ доступъ къ атакованнымъ верхамъ.

При такомъ безнадежномъ положеніи крѣпостныхъ верховъ, невозможно было надѣяться отразить штурмъ главной орады съ какою-либо вѣроятностью успѣха. Поэтому генералъ Урихъ, по совѣщаніи со своими ближайшими помощниками обороны крѣпости и отчасти вслѣдствіе упадка дисциплины въ гарнизонѣ, рѣшился сдать крѣпость. 27-го сентября, въ пять часовъ пополудни, въ то время, когда огонь продолжался еще съ обѣихъ сторонъ, атакующій вдругъ замѣтилъ бѣлые флаги, выставленные на соборѣ и на бастіонахъ. Огонь былъ немедленно прекращенъ и вслѣдъ затѣмъ было получено отъ генерала Уриха письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ о безусловной сдачѣ города. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ между обѣими сторонами была подписана капитуляція, на основаніи которой городъ, крѣпость и гарнизонъ, въ числѣ 17,111 рядовыхъ и 451 офицера, сдавались пруссакамъ. На слѣдующій день, 28-го сентября, крѣпостныя ворота и цитадель были заняты, а около полудни началось прохожденіе французскихъ войскъ мимо генерала Вердера. Сначала военно-плѣнные проходили въ нѣкоторомъ порядкѣ, но потомъ ряды ихъ смѣшались: солдаты, отчасти нѣявые, какъ сказано было въ прусскомъ официальномъ донесеніи, не слушались офицеровъ и ложили о камни свое оружіе. Прусскимъ войскамъ, сохранявшимъ все время примѣрную дисциплину, только въ три часа пополудни удалось удалять весь гарнизонъ и возстановить въ городѣ сносный порядокъ.

Такимъ образомъ, Страсбургъ, считавшійся первою крѣпостью, съ 17,000 гарнизона и 500 орудіями, сдался послѣ тридцатидневной постепенной атаки. Побѣдителямъ нашамъ въ крѣпости болѣе 1,000 орудій, 10,000 ружей Шасспо, до 2,000 лошадей, множество боевыхъ запасовъ и разныхъ предметовъ снаряженія, въ особенности сукна, и, наконецъ, по страшной оплошности, 2,000,000 франковъ казенныхъ денегъ. Въ числѣ орудій находилось до 60 орудій осаднаго парка на лафетахъ.

Гарнизонъ лишился во время осады убитыми 661 человекъ и изъ городского населенія 261 человекъ. Число раненыхъ въ точности неизвѣстно. Вся убыль въ войскахъ осаднаго корпуса простиралась до 900 человекъ. Число больныхъ, въ продолженіе осады, въ прусскихъ войскахъ было весьма ограничено, потому что люди, большею частью, были расположены въ окрестныхъ деревняхъ.

Взятіе Страсбурга имѣло для прусаковъ весьма важное значеніе. Они тотчасъ же могли двинуть освободившійся осадный корпусъ, въ числѣ 50,000 человекъ, къ Парижу и употребить для его обложенія многочисленный осадный паркъ. Кромѣ того, съ занятіемъ Страсбурга, возстановлялось непрерывное желѣзно-дорожное сообщеніе съ южною Германіей.

Быстрое и успѣшное веденіе осады прусаки приписываютъ, прежде всего, отличнымъ качествамъ своей нарѣзной артилеріи и вполне рациональному употребленію ея въ дѣло.

Что касается до обороняющагося, то въ дѣйствіяхъ его можно указать на нѣкоторыя слабыя стороны. Во-первыхъ, французы не сумѣли воспользоваться своею артилеріею, которая, по калибру, не уступала германской, а по числу, особенно въ началѣ атаки, значительно превосходила послѣднюю. По занятіи крѣпости, прусаки нашли множество совершенно годныхъ къ дѣлу орудій, снабженныхъ достаточнымъ количествомъ снарядовъ, и принадлежности; между ними находились, весьма полезныя для обороны, короткія 24-фунтовые пушки. Во вторыхъ, можно упрекнуть гарнизонъ въ недостаткѣ активной энергіи и единодушій усилій, которыя необходимы въ дѣлахъ подобнаго рода.

«Конечно», говоритъ авторъ приводимой нами статьи, «недостатокъ болѣе положительныхъ свѣдѣній не позволяетъ еще произнести рѣшительнаго приговора объ оборонѣ Страсбурга. Но по нѣкоторымъ, имѣющимся уже теперь, хотя отрывочнымъ, даннымъ, видно, что, при всѣхъ недостаткахъ стариннаго очертанія страсбургской крѣпости, она не оказала даже того сопротивленія, на которое можно было рассчитывать, если бы въ главѣ обороны находился знающій свое дѣло человекъ, поддержанный храбрыми и полнымъ самоотверженія гарнизономъ. Только среди ряда постыдныхъ капитуляцій, ознаменовавшихъ собою кампанію 1870 года, позволительно назвать сопротивленіе, оказанное Страсбургомъ, «геройскимъ, которому мало примѣровъ въ лѣтописяхъ», какъ выразился страсбургскій меръ передъ сдачею города. Твердость и личная энергія коменданта крѣпости, непоколебимыя ужаснымъ бомбардированіемъ и страданіями многочисленныхъ жи-

телей, не могли замѣнить собою всѣхъ прочихъ качествъ, недостававшихъ защитникамъ Страсбурга, и потому паденіе его составляло только вопросъ времени».

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что, по поводу дѣйствій генерала Уриха, въ Страсбургѣ высказаны были самыя различныя мнѣнія. Сначала все Франція рукоплескала энергическому защитнику Страсбурга; но, какъ справедливо замѣчаетъ генералъ Урихъ, «отъ Капитолія до Тарпейской Скалы только одинъ шагъ». И, дѣйствительно, вскорѣ на коменданта посыпались самыя неосновательныя обвиненія; слово «измѣна», любимое слово французовъ въ критическіе моменты ихъ исторіи, было произнесено. Непомощникъ былъ комендантъ Страсбурга и въ нѣмецкихъ газетахъ, гдѣ, за *безполезное* будто бы продленіе обороны, его называли Атилою и Чингисъ-ханомъ, и укоряли его тоже въ измѣнѣ (?!), какъ эльзасскаго уроженца...

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько данныхъ относительно состава и дѣйствія осадной артиллеріи подъ Страсбургомъ.

Артиллерія атакующаго состояла изъ восьми родовъ прусскихъ и четырехъ родовъ баденскихъ орудій, общая численность которыхъ доходила до 241. Изъ этихъ орудій противъ крѣпости сдѣдано было 193,722 выстрѣла. Среднимъ числомъ, атакующій производилъ ежедневно 6,249 выстрѣловъ; въ часъ 269; въ каждую минуту отъ 4 до 5 выстрѣловъ.

Отличительныя черты, которыя можно отмѣтить въ дѣйствіяхъ атакующаго, суть слѣдующія: а) ближнее заложеніе первой параллели, въ 800 шагахъ; б) почти повсемѣстное употребленіе легкой саны или прѣстой траншеи, вѣвстой тихой саны; с) употребленіе перекидныхъ выстрѣловъ для прѣбитія бреши съ дальняго разстоянія; д) особенное устройство осадныхъ батарей съ низкими амбразурами, и е) занятіе контръ-минныхъ галерей въ контръ-эскарпѣ крѣпости и умѣнье воспользоваться ими, какъ обсервационнымъ пунктомъ для наблюденія за дѣйствіемъ снарядовъ.

Въ ноябрской книжкѣ «Инженернаго Журнала» находимъ статью, выражающую мнѣніе американскихъ инженеровъ по весьма важному вопросу *объ укрѣпленіи береговъ*.

Въ началѣ 1869 года, военному министру Соединенныхъ Штатовъ былъ представленъ американскими инженерами проектъ наилучшей системы обороны морскихъ береговъ.

Изъ этого проекта и изъ другихъ официальныхъ американскихъ

документовъ составлена статья, съ которою мы намерены познакомиться читателей.

Американцы, вообще, обращаютъ большое вниманіе на береговую оборону, принимаютъ ей огромную важность и укоряютъ правительства европейскихъ государствъ въ непростительномъ равнодушіи по этому предмету. Принимая во вниманіе, что въ последнее трагическое время война ежеминутно готова была вспыхнуть, и что морскія державы Европы обладаютъ значительными торговыми центрами доступными атакъ съ моря, американцы удивляются, что, для обороны ихъ, въ Европѣ до сихъ поръ ничего не сдѣлано.

Главными средствами береговой обороны американцы считаютъ *железные постройки и торпеды*. По части замѣны камня желѣзомъ въ современныхъ укрѣпленіяхъ, въ виду громадно-увеличившейся силы удара артиллерійскихъ снарядовъ, были произведены сравнительные опыты въ Англіи и въ Америкѣ, которые, впрочемъ, нигдѣ еще не привели къ положительнымъ результатамъ. «Произведенные опыты», говорится въ докладѣ американскихъ инженеровъ, «не даютъ еще пока возможности предложить какой-нибудь проектъ для желѣзныхъ казематированныхъ построекъ и брони для приморскихъ батарей. Недостатки прежнихъ построекъ вполнѣ доказаны, но вопросъ о замѣнѣ ихъ лучшими еще не вполнѣ разъясненъ. Замѣну камня желѣзомъ нельзя пока еще считать дѣломъ явилъ рѣшеннымъ. Прибѣгать въ некоторыхъ случаяхъ къ желѣзу бываетъ необходимо; но нельзя приступать къ возведенію значительныхъ построекъ изъ этого матеріала, основываясь на однихъ лишь предположеніяхъ, потому что это можетъ привести къ огромнымъ и совершенно безцѣльнымъ затратамъ, такъ какъ современная техника подвигается весьма быстро и годное въ нынѣшнемъ году можетъ оказаться совершенно бесполезнымъ въ будущемъ».

Американцы помнятъ, что укрѣпленія, возведенныя ими по вѣтхымъ правиламъ искусства въ 1859 году, не могутъ сопротивляться дѣйствию нынѣшней артилеріи.

Извѣстный англійскій ветеранъ, сэръ Джонъ Бургойнъ, стоящій въ главѣ королевскихъ инженеровъ, обсуждая вопросъ о броневыхъ покрытіяхъ Гибралтара, высказалъ совершенно такое же мнѣніе. Онъ замѣтилъ, что усовершенствованія въ артиллерійскомъ дѣлѣ слѣдуютъ такъ быстро одно за другимъ, что строящаяся защита можетъ легко оказаться негодною во времени истеченія контракта, заключеннаго для ея постройки. Самые послѣдніе англійскіе опыты надъ различ-

ными щитами доказываютъ ясно, на сколько усовершенствованіе орудій идетъ быстрѣе изобрѣтеній по части обороны.

Вообще можно замѣтить, что вопросъ о желѣзныхъ постройкахъ въ Европѣ разработанъ весьма мало, а еще меньше возведено ихъ. Тѣмъ не менѣе можно указать, въ какомъ направленіи должны быть производимы дальнѣйшіе опыты и изслѣдованія. Американскіе инженеры считаютъ необходимымъ обратить, при опытахъ, вниманіе на слѣдующіе предметы:

1) Улучшеніе качествъ и выдѣлки желѣзныхъ плитъ, а также опредѣленіе свойства и вида метала, наиболѣе соответствующее цѣли. Слѣдуетъ приобрести нѣсколько иностранныхъ плитъ, для сравнительнаго испытанія ихъ съ американскими и для выбора сортовъ желѣза для будущихъ заказовъ.

2) Опыты надъ чугуномъ, подобнымъ тому, который изготовляется крупомъ для прусскихъ укрѣпленій.

3) Убѣдиться, на сколько примѣнимо покрывать лицевую сторону щита свинцомъ, съ цѣлью уменьшить живую силу снаряда, и на сколько полезно помѣщать свинцовые бруски, для той же цѣли, между лицевыми плитами.

4) Въ подробности изслѣдовать желѣзныя постройки въ Европѣ, при посредствѣ особо командированныхъ офицеровъ; наконецъ, принять во вниманіе предполагаемыя нововведенія въ артилеріи, и имѣть въ виду орудія, подобныя круповскимъ 50-тоннымъ, стрѣляющими зарядомъ въ 130 фунтовъ пороха, при снарядѣ изъ закаленной стали, въ 1,212 фунтовъ.

Высказавъ свой взглядъ относительно будущихъ изслѣдованій, американскіе инженеры считаютъ нужнымъ *отложить на время*, для Соединенныхъ Штатовъ, возведеніе желѣзныхъ построекъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтуютъ принять слѣдующія временныя мѣры для защиты гаваней и береговъ:

Во-первыхъ, необходимо устроить, гдѣ позволяетъ мѣстность, недорого-стоющія барбетныя батареи, безъ одеждъ, съ деревянными платформами для орудій.

Во-вторыхъ, надо замѣнить барбетныя лафеты другими, которые позволяли бы опускать орудіе для заряжанія ниже кроны бруствера. Земля представляетъ самый лучшій и дешевый изъ всѣхъ матеріаловъ для сопротивленія снарядамъ. Обыкновенная установка орудій на барбетахъ для стрѣльбы чрезъ банкъ въ настоящее время положительно невысказима, при громадныхъ орудіяхъ и при трудномъ процесѣ заряжанія, открывающемъ прислугу, и поэтому необходимо

изслѣдовать точно англійскіе лафеты Монкриефа и дать имъ широкое примѣненіе при оборонѣ береговъ.

Въ-третьихъ, усиленіе системы обороны мортирами большого калибра. Для воспрепятствованія занятію рейда подъ морскую стянку нѣтъ ничего дѣйствительнѣе мортирной стрѣльбы. Однако, на сколько извѣстно, средство это ниразу еще не было употреблено въ большихъ размѣрахъ съ упомянутой цѣлью. Мортирная стрѣльба можетъ быть весьма дѣйствительнымъ средствомъ для обороны фарватеровъ, ведущихъ къ городамъ и портамъ, противъ броненосцевъ. Хорошо извѣстно, что моряки никакой стрѣльбы такъ не боятся какъ мортирной, и что, при всей неуязвимости боковъ броненосцевъ, палуба ихъ защищена весьма плохо. Съ другой стороны, извѣстно также, какъ трудно попадать навѣсно въ предметы, имѣющіе небольшую площадь, какова, напримѣръ, палуба судна. Но правильная во вниманіе, что мортирная стрѣльба можетъ достигнуть значительной мѣткости при стрѣльбѣ по неподвижнымъ предметамъ, напримѣръ, по судамъ стоящимъ на позиціи или временно задержаннымъ загражденіями, и что сильное дѣйствіе удачныхъ выстрѣловъ отчасти вознаграждаетъ незначительную ихъ мѣткость, мортиры можно охотно принять какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ современнаго способа атаки.

Кромѣ того, американцы ожидаютъ многого отъ обороны рейдовъ посредствомъ «торпедо». Хотя подводныя мины извѣстны давно, однако употребленіе ихъ получило практическій характеръ лишь послѣ крымской войны, когда онѣ были употреблены для обороны русскихъ портовъ въ Балтійскомъ Морѣ. Впослѣдствіи, во время войны за цѣлость Союза, подводныя мины были употребляемы южанами въ большихъ размѣрахъ, чтобы сколько-нибудь ослабить флотъ сѣверянъ, и дѣйствительно принесли много пользы. Потери сѣвернаго флота отъ минъ, по значительности своей, превосходили потери отъ всѣхъ другихъ причинъ взятыхъ вмѣстѣ. Разрушеніе 24-хъ союзныхъ судовъ и сильное поврежденіе многихъ другихъ вполне объясняетъ то моральное вліяніе, которому подвергались атакующія эскадры въ виду дѣйствительнаго или предполагаемаго существованія минъ. Дѣйствіе подводныхъ минъ въ подробности извѣстно въ Европѣ и даже составляетъ предметъ обученія въ школахъ; въ Англій инженерные офицеры слушаютъ курсъ миннаго подводнаго дѣла; во Франціи производятся опыты въ Тулонѣ и учреждена школа подводныхъ минеровъ, на островѣ Эксъ; въ Австріи производятся обширные опыты и торпедо были даже употреблены въ кампанію 1866

года для защиты Венеціи, Поли и другихъ пунктовъ Адриатическаго Моря.

Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ подводныхъ минъ состоитъ въ ихъ дешевизнѣ и возможности быстро распорядиться ими, импровизовать оборону, для чего необходимо, однако, имѣть особую команду, совершенно знакомую съ дѣломъ. Торпедо располагаются обыкновенно на фарватерѣ въ помощь береговымъ батареямъ; но, по силѣ своего дѣйствія, они превосходятъ эти послѣднія и представляютъ для атакующаго весьма сильнаго и невидимаго врага.

Если прибавить, что опыты надъ подводными минами привели въ настоящее время къ открытію и принятію подвижныхъ подводныхъ минъ, которыми можно дѣйствовать какъ снарядами, то окажется, что этотъ способъ займетъ въ оборонѣ чуть-ли не первое мѣсто. Впрочемъ, рядомъ съ усовершенствованіемъ торпедо, изыскиваются способы противодѣйствія; такъ, недавно, въ Англии производили опыты съ аппаратомъ, предохраняющимъ суда отъ взрыва: къ судну прикрѣпляютъ раму съ веревочною сѣткою, въ которую ударяется торпедо; какъ показали опыты, ударъ значительно уменьшаетъ въ этомъ случаѣ и не наноситъ судну почти никакого вреда.

Въ числу дѣйствительнѣйшихъ средствъ береговой обороны относятся также загражденія, польза которыхъ была вполне признана въ междоусобную борьбу Соединенныхъ Штатовъ. Въ эту войну было доказано, что непріятельскія суда, особенно броневыя, при самой лучшей береговой оборонѣ могутъ прорываться мимо укрѣпленій. Въ этомъ случаѣ ихъ могутъ остановить только загражденія, которыя, однако, не должны заграждать фарватера совершенно и постоянно; напротивъ, сооруженія должны быть непременно подвижныя, плавучія.

По части загражденій въ Америкѣ были произведены многочисленные опыты. Во время послѣдней междоусобной войны, американцы приложили всевозможныя старанія для обезпеченія важнѣйшихъ приморскихъ пунктовъ отъ вторженія непріятеля. Такъ, въ 1862 году, губернаторомъ штата Нью-Йоркъ была составлена комісія изъ свѣдущихъ инженеровъ для составленія проекта обороны нью-йоркской гавани. Комісія выработала проектъ загражденій, но они не были приведены въ исполненіе, какъ по дороговизнѣ постройки, такъ и по значительному времени, потребовавшемуся на ея возведеніе. Для американцевъ этотъ опытъ послужилъ хорошимъ урокомъ: они сознали, что теперь способы веденія войны основаны на нечаянности, и рѣшили имѣть подготовленныя заранѣе загражде-

нія, равно какъ орудія и форты. Такимъ образомъ, для прегражденія судамъ пути къ Вашингтону, правительствомъ предположены подводныя сооруженія, на которыя отпущено 300,000 долларовъ. Всѣ работы по этому предмету поручены были инженернымъ офицерамъ, которые, послѣ предварительныхъ опытовъ, выработали проектъ загражденій, отличавшихся многими особенностями и удобствами; загражденіе требовало небольшого числа бревенъ для доставленія плавучести, и всѣ части, какъ деревянные, такъ и желѣзныя, могли быть изготовлены заранее и хранимы въ готовности до самаго момента ихъ употребленія.

Объ употребленіи плавучихъ батарей въ отчетѣ не находимъ ничего новаго. Принявъ во вниманіе, что постройка и храненіе такихъ батарей стоятъ дороже всѣхъ прочихъ оборонительныхъ приспособленій, да къ тому же онѣ легко могутъ быть уничтожены, пришли къ заключенію, что безъ нихъ можно обойтись тамъ, гдѣ защищаемы фарватеры могутъ быть хорошо обстрѣливаемы съ береговыхъ батарей. Однако хорошо-построенныя броненосныя плавучія батареи, совмѣщающія въ себѣ силу батареи и тарана, могутъ быть весьма полезнымъ подспорьемъ обороны. Полдюжины мелко-сидящихъ тарановъ, хорошо сопротивляющихся артиллерійскому огню и расположенныхъ на мелкихъ мѣстахъ, были бы вообще весьма опасны непріятельскому флоту.

Въ заключеніе американцы устанавливають точку зрѣнія на калибръ орудій для береговой обороны. Они считаютъ совершенно необходимымъ вооружать свои батареи орудіями самаго большаго калибра, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ броненосныхъ противниковъ. 15-дюймовое гладкостѣнное орудіе считается американцами первымъ удачнымъ шагомъ къ современному увеличенію калибра. Вообще вооруженіе береговыхъ батарей самыми большими калибрами, въ родѣ круповой прусской 30-тонной пушки, считается американцами необходимымъ, и они принимаютъ всѣ мѣры для скорѣйшаго приведенія въ исполненіе этого положенія.

Основываясь на вышесказанныхъ *временныхъ* мѣрахъ для обороны береговъ, американцы думаютъ оставить на время вопросъ о желѣзныхъ постройкахъ, справедливо считая его далекимъ отъ окончательнаго рѣшенія.

Взглядъ американскихъ инженеровъ вполнѣ раздѣляется военными авторитетами Соединенныхъ Штатовъ: извѣстнымъ генераломъ Шерманомъ и начальникомъ инженеровъ Гумфреємъ, мнѣнія которыхъ приведены въ рассматриваемой нами статьѣ.

Что касается до положенія вопроса о металлических постройкахъ въ Европѣ, то мы можемъ сообщить объ этомъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній. По словамъ англійскаго журнала «*Engineering*» недавно, нѣкто Крэмptonъ предложилъ строить стѣны фортовъ не изъ жѣлаза, а изъ чугунныхъ массъ, вѣсомъ не менѣе 200 тоннъ, производя отливку ихъ на мѣстѣ постройки. Авторъ статьи говоритъ, что исполненіе этой идеи не представитъ большихъ затрудненій. Приготовительныя работы должны состоять изъ устройства основанія и формы надлежащаго вида, построенной изъ кирпича, или же изъ кирпича съ желѣзными скрѣпленіями, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вблизи формы должны быть, въ надлежащихъ мѣстахъ, устроены плавильныя печи, сообразно сроку окончанія работъ и размѣрамъ ихъ. Подобнымъ образомъ отлита на заводѣ *Bolton* массивная наковальня въ 210 тоннъ; расплавленный металлъ выходилъ изъ двухъ печей въ теченіе $8\frac{3}{4}$ рабочихъ часовъ и отливка удалась вполне. Для усиленія сопротивленія, Крэмptonъ предлагаетъ прибавлять къ чугуну желѣзные обрѣзки; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, вмѣсто чугуна, брать бесемеровскую сталь. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть оставлены отверстія, Крэмptonъ предлагаетъ помѣщать желѣзныя или стальные массы требуемаго вида.

Относительно стоимости подобныхъ фортовъ Крэмptonъ замѣчаетъ, что чугуныя стѣны, при той же стоимости, могутъ быть въ шесть или семь разъ толще желѣзныхъ.

Въ названномъ англійскомъ журналѣ сдѣлано еще предложеніе объ устройствѣ укрѣпленія на совершенно новыхъ началахъ, именно на оборонѣ исключительно навѣсными выстрѣлами. Заимствуемъ изъ «*Инженернаго Журнала*» описаніе этого укрѣпленія, называемаго *экономическимъ*. Длина фронта укрѣпленія—275 сажень; фланговая оборона рва доставляется изъ четырехугольныхъ желѣзныхъ башенъ или капонировъ, безопасныхъ какъ отъ бомбъ, такъ и отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ; башни располагаются въ срединѣ фронта и вершина ихъ ниже мѣстнаго горизонта. Вооруженіе можетъ быть различно: можно поставить большія наръзные орудія, для дальней стрѣльбы, но преимущественно предполагается вооруженіе короткими орудіями, или гаубицами, для того чтобы можно было бросать возможно-большее количество шрапнели или разрывныхъ снарядовъ во время перехода непріятеля черезъ ровъ. Капоніры сообщаются съ внутренностью укрѣпленія посредствомъ петерей; въ стѣнахъ башенъ имѣются амбразуры; закрываемыя желѣзными щитами съ бой-

лицами. Въмѣсто обыкновеннаго эскарпа устроивается желѣзная рѣшетка на каменномъ основаніи.

За главнымъ валомъ слѣдуетъ рядъ казематовъ съ амбразурами, закрываемыми изнутри желѣзными щитами. Въ каждомъ казематѣ помѣщается мортира, а также имѣется достаточное помѣщеніе для трехъ смѣнъ артилерійской прислуги. Вдоль фронта можетъ помѣститься 106 такихъ казематовъ, изъ которыхъ можетъ быть направленъ безостановочный огонь по неприятелю, приблизившемуся на 1,300 сажень, такъ что въ теченіе 24-хъ часовъ можетъ быть сдѣлано 30,000 выстрѣловъ. Полагая на каждую бомбу по шести осколковъ, въ 33 фунта вѣсомъ каждый, можно осыпать мѣстность, занятую атакующимъ, ежедневно 180,000 такихъ осколковъ. Когда неприятель приблизится на дальность ружейнаго огня, начинается оборона съ главнаго вала чрезъ бойницы. По мѣрѣ приближенія неприятеля, большія бомбы замѣняются меньшими разрывными снарядами, бросаемыми въ большомъ числѣ и по нѣсколькxу заразъ. Въ случаѣ приближенія неприятеля къ подошвѣ гласиса, убійственное дѣйствіе огня усиливается. При сохраненіи желѣзнаго эскарпа въ цѣлости, атакующій долженъ подорвать его, для чего ему придется спуститься колодеземъ и пройти галерею около 80 футовъ, на что потребуется 84 часа времени, включая сюда заряданіе камеры и забивку заряда; все это время атакующій подвергается постоянному вертикальному огню. Овладѣніе казематами предполагается возможнымъ только съ помощью минъ. Предполагая, что атакующій спустится колодеземъ у подошвы гласиса, ему придется пройти около 200 футовъ въ землѣ, на что потребуется, по крайней мѣрѣ, восемь дней. Казематы придется брать поодиночкѣ, ибо каждый расположенъ отдѣльно и прикрытъ щитами съ амбразурами.

Въ томъ же номерѣ «Инженернаго Журнала» помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Сооруженіе основанія подъ фортъ Императоръ Павелъ I, на большомъ кронштадтскомъ рейдѣ», составленная г. Исирцкимъ. Не входя въ разсмотрѣніе специальныхъ ея достоинствъ, мы обратимъ вниманіе читателей на то участіе, которое принималъ въ постройкѣ этого форта покойный императоръ Николай Павловичъ. Вообще вниманіе государя постоянно было обращено на возведеніе крѣпостей и оборонительныхъ построекъ для защиты важнѣйшихъ пунктовъ государства. Въ числѣ строительныхъ работъ, произведенныхъ для усиленія Кронштадта, одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по громадности сооруженія, такъ и по значенію его, занимаетъ возведеніе форта «Императоръ Павелъ» на мѣстѣ деревяннаго Рисбанка. По-

стройка эта, начатая по волѣ государя, пользовалась особеннымъ его вниманіемъ: онъ самъ назначилъ очертаніе форта, избралъ мѣсто для возведенія его и указалъ лучший способъ устройства основанія. Будучи самъ инженеромъ и хорошо зная даже частности строительнаго дѣла, государь, во все время сооруженія форта, требовалъ представленія себѣ всѣхъ детальныхъ чертежей, внимательно разсматривалъ ихъ, собственноручно дѣлалъ на нихъ помѣтки и утверждалъ для приведенія въ исполненіе.

«При посѣщеніи самой постройки» говоритъ авторъ, «ежегодно по нѣскольку разъ, покойный императоръ не ограничивался бѣглымъ обзоромъ производившихся работъ, но вникалъ во всѣ подробности дѣла, осматривалъ заготовленные матеріалы, спрашивалъ строителя форта о нуждахъ, о предположеніяхъ на будущее время, и при этомъ нерѣдко тамъ же, на мѣстѣ, отдавалъ приказанія и дѣлалъ распоряженія. Хотя одно вниманіе государя уже замѣтно отражалось на быстротѣ хода и тщательности производства всѣхъ работъ по возведенію форта, но заботливость Его Величества объ этомъ сооруженіи простиралась еще далѣе: онъ особенно содѣйствовалъ развитію работъ многократными отпусками на нихъ значительныхъ денежныхъ суммъ изъ собственныхъ средствъ своихъ. Такимъ образомъ отпущено было изъ суммъ Его Величества:

Въ 1846 году.	39,500	рублей.
» 1848	»	60,000	»
» 1849	»	63,250	»
» 1850	»	100,000	»
» 1852	»	200,000	»
» 1853	»	200,000	»

Итого 662,750 рублей, т. е. около четвертой части всей суммы, употребленной на сооруженіе форта.

* * *